

Asya Qui

МЫШКА

в клетке

Asya Qui

Мышка в клетке

«Литнет»

2025

Qui A.

Мышка в клетке / А. Qui — «Литнет», 2025

Слышу шелест чужих голосов. Токсичный, липкий шепот. «Это реально она?» «Которую Мэдокс тогда опустил на дно?» «У нее вообще гордости нет, раз приперлась обратно». Краем глаза замечаю, как кто-то уже наводит камеру смартфона. Выпрямляюсь. Пальцы сжимаются в кулаки так сильно, что ногти оставляют полумесяцы на ладонях. Дыши. Просто дыши. Ты больше не та размазня. И тут я чувствую его взгляд. Поворачиваю голову. Кассиан. Он обернулся на шум. Метров тридцать между нами, не больше. Я вижу, как на мгновение дергается его бровь. Микросекунда искреннего шока. А затем лицо застывает, превращаясь в ту самую непроницаемую ледяную маску. Глаза в глаза. А потом уголок его губ медленно, лениво ползет вверх. Эта ухмылка. От нее кровь в венах превращается в лед. Он поднимает руку. Проводит большим пальцем по своей нижней губе. Взгляда не отводит ни на секунду. И четко, артикулируя каждый слог, беззвучно произносит: «Мышка вернулась».

© Qui A., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	7
Глава 3.	9
Глава 4.	11
Глава 5.	13
Глава 6.	15
Глава 7.	18
Глава 8.	20
Глава 9.	22
Глава 10.	24
Глава 11.	27
Глава 12.	30
Глава 13.	33
Глава 14.	36
Глава 15.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1.

Кованые ворота Блэквуда скалятся на меня черными пиками. Те самые, через которые я выскочила три года назад, глотая слезы и клянясь себе никогда сюда не возвращаться.

И вот я здесь.

Мимо проносится стайка первокурсниц. Шлейф приторно-сладкого парфюма бьет по обонянию, перебивая запах влажного асфальта. Девицы хихикают, тыча нарощенными ногтями в экраны айфонов, выгибают спины для сторис так, что того гляди позвонки хрустнут. Из низко посаженного порше долбят басы, вибрируя прямо под ребрами. Блэквуд не меняется. Ярмарка тщеславия, где ценник на шмотках и статус родителей решают, дышишь ты или задыхаешься.

А я стою посреди этой глянцевої толпы и чувствую себя грязной кляксой на идеальном холсте.

Делаю резкий вдох. Заставляю себя переставлять ноги. Мимо вылизанных газонов, мимо фонтана, от которого несет хлоркой. Взгляд сам, предательски, цепляется за старый платан. Та самая скамейка в густой тени.

Желудок скручивает спазмом. Во рту появляется кислый привкус.

Именно там я впервые зависла. Он сидел, прислонившись к спинке, и читал. Солнце падало на его скулы, подчеркивая острую, почти хищную геометрию лица. Девчонки из элиты вились вокруг него, как мухи на сироп, а он просто перелистывал страницы, физически стирая их из своей реальности. Я тогда застыла посреди дорожки с картонным стаканом мерзкого кофе. Стояла и пялилась, как заворуженная.

«У тебя фетиши на тех, кто не догадывается о твоём существовании? Или просто любишь пялиться, Мышка?»

Эта его ледяная, растянутая интонация до сих пор скребется где-то на подкорке. То, как он выплюнул это слово.

— Эй, подруга! Не спи на ходу!

Резкий гудок заставляет меня отпрыгнуть. Каблуки скользят по сырой брусчатке. Какая-то блондинка в кабриолете недовольно цокает языком, поправляя солнечные очки, и жмет по газам. Щеки обдаёт жаром. Отличное возвращение. Ещё даже до деканата не дошла, а уже создаю аварийные ситуации.

В Париже я дышала полной грудью. Стерла себя прошлую, стала просто девчонкой с измазанными краской пальцами. Там я была никем, и это была абсолютная свобода. Я нарастила броню толщиной в палец. Была уверена, что призраки прошлого меня больше не беспокоят.

Ага, конечно. Стоило подошвам моих кроссовок коснуться асфальта Блэквуда — и броня пошла трещинами. Злюсь на себя за то, что мне все ещё не плевать. Стыдно за то, что злюсь. Замкнутый круг.

Так, соберись. Забрать ключи от комнаты, расписаться за восстановление в деканате и свалить в свою нору. До завтрашнего утра можно будет притвориться мертвой.

Главный двор гудит. Местная экосистема функционирует без сбоев. В тени вязов кучкуется «золото» — последние модели часов небрежно выглядывают из-под манжет, сумки из лимитированных коллекций валяются прямо на траве. Дальше, у парапета — гики. Уткнулись в мониторы, строчат код, не замечая реальности. У входа в спорткомплекс гора тестостерона меряется шириной плеч.

Я почти прохожу мимо. Почти проскальзываю к спасительным дверям административного корпуса.

Но взгляд спотыкается о фигуру.

Спина. Темно-синий пиджак. Линия плеч. Уверенный, хищный наклон головы. Темные волосы.

Легкие перестают работать. Воздух просто застревает в горле колючим комом. Пульс бьет по барабанным перепонкам с такой силой, что глушит шум двора.

Нет. Нет. Только не в первый же день. Я не готова.

Надо сваливать. Резко разворачиваюсь на пятках, делаю быстрый шаг и с размаху влетаю во что-то мягкое. Звонкий хлопок — стопка конспектов и пластиковых папок разлетается по брусчатке белым веером.

— Да твою ж... извини! — падаю на колени, судорожно сгребая листы.

— Смотри куда прешь... Подожди-ка. Сиенна? Девро?

Поднимаю глаза и мысленно матерюсь. Хлоя. Главный рупор Блэквуда. Если она узнала новость, через пять минут об этом напишут даже в мужской раздевалке.

— Охренеть можно! Ты вернулась? — ее голос пререзает гул двора. — А мы думали, после того эпичного унижения от Мэдокса ты вообще сменила имя и ушла в монастырь!

Громко. Слишком громко. Разговоры вокруг нас стихают. Десятки голов поворачиваются в нашу сторону. Кожа на спине начинает зудеть от направленных на меня взглядов.

Слышу шелест чужих голосов. Токсичный, липкий шепот.

«Это реально она?»

«Которую Мэдокс тогда опустил на дно?»

«У нее вообще гордости нет, раз приперлась обратно».

Краем глаза замечаю, как кто-то уже наводит камеру смартфона.

Выпрямляюсь. Пальцы сжимаются в кулаки так сильно, что ногти оставляют полумесяцы на ладонях. Дыши. Просто дыши. Ты больше не та размазня.

И тут я чувствую *его* взгляд.

Поворачиваю голову. Кассиан. Он обернулся на шум. Метров тридцать между нами, не больше. Я вижу, как на мгновение дергается его бровь. Микросекунда искреннего шока. А затем лицо застывает, превращаясь в ту самую непроницаемую ледяную маску.

Глаза в глаза.

А потом уголок его губ медленно, лениво ползет вверх. Эта ухмылка. От нее кровь в венах превращается в лед. Он поднимает руку. Проводит большим пальцем по своей нижней губе. Взгляда не отводит ни на секунду. И четко, артикулируя каждый слог, беззвучно произносит:

«Мышка вернулась».

Глава 2.

Кроссовки точно приклеили к брусчатке. Мозг орет: «Разворачивайся! Беги!», но мышцы свело бетонным спазмом.

Он идет прямо ко мне.

Ну разумеется. Кассиан Мэдокс не упускает возможности ткнуть палкой в открытую рану. Проверить, идет ли еще кровь.

Втягиваю воздух сквозь стиснутые зубы. Кислород кажется густым, царапает горло. Выпрямляю спину, расправляю плечи. Только не дрожать. Я провела три года, собирая себя по кускам в чужой стране, и не позволю ему разобрать меня обратно за десять секунд.

Он останавливается в шаге от меня. Непозволительно близко. В нос тут же забивается его запах.

— Сиенна.

Давлю в себе инстинктивное желание отступить. Вздергиваю подбородок, встречая его взгляд. Серые, с ледяным голубым отливом радужки. Те самые, от которых меня раньше клинило.

— Мэдокс. Решил лично проверить радиус действия своей токсичности?

Левый уголок его губ едва заметно дергается. Ждал, что я начну мямлить, прятать глаза и краснеть пятнами? Перебьешься.

Он склоняет голову набок. Лениво сканирует меня с головы до ног. От этого тягучего взгляда кожа под джинсовкой покрывается мурашками, которые я отчаянно пытаюсь игнорировать.

— Отрастила когти. Занятно.

Его голос стал глубже. Да и сам он... Мой проклятый мозг художника автоматически фиксирует изменения. Резче обозначились скулы, линия челюсти стала жестче. В движениях пропала подростковая расслабленность — теперь это холодная, выверенная грация хищника. У него на лбу неоновой вывеской горит: «Опасность. Большие деньги. Никаких тормозов».

Бесит, что я вообще это анализирую.

— А ты стабилен, — кривлю губы в фальшивой усмешке. — Костюм с иголки, идеальный пробор, фирменное презрение во взгляде. Заводские настройки не сбились.

Он делает полшага вперед, нагло вторгаясь в мое личное пространство. Воздуха сразу становится катастрофически мало.

— Раньше ты заикалась, когда я подходил ближе, — его тон понижается, становится обволакивающим. Пробирается прямо под кожу. — Смущалась. Тербила рукава. Это было даже... забавно. Такая удобная, предсказуемая наивность.

Удар точечный. Прямо под дых.

Память тут же швыряет мне в лицо вспышки той ночи. Слепящий свет клуба. Мой дрожащий голос с признанием. И его издевательский, раскатистый хохот на весь зал.

Ноготь большого пальца до боли впивается в указательный.

— Знаешь, я ведь должна сказать тебе спасибо.

В его ледяных глазах на долю секунды мелькает микроскопическое удивление.

— За бесплатный мастер-класс по распознаванию мудаков, — чеканю каждое слово, не отводя взгляда. — Не устрой ты то показательное шоу, я бы еще долго верила, что за красивым фасадом может скрываться человек. А так — ты сэкономил мне кучу времени. Теперь я сканирую пустышек с первой секунды. Бесценный навык.

Челюсть Кассиана каменеет. На скулах проступают желваки. Я почти физически ощущаю, как от него исходит ярость, но он гасит ее с пугающей скоростью.

— Рад, что мой урок пошел впрок, — он наклоняется к моему уху. Дыхание обжигает кожу на шее, заставляя внутренности скрутиться в тугой узел. — Кстати, раз уж мы заговорили о суровой реальности... Ты уже успела пообщаться с отцом?

Меня словно окатывает ледяной водой. При чем тут отец?

— С какого перепугу тебя волнует мой отец? — отшатываюсь, чтобы вырваться из его гравитационного поля.

Кассиан выпрямляется. В его взгляде появляется снисходительность, от которой хочется заехать ему по лицу.

— Просто поинтересуйся у него, Мышка. Спроси, какой именно сюрприз он приготовил к твоему возвращению. И почему ты *на самом деле* примчалась из своего парижского убежища обратно в Блэквуд. Обещаю, ответ перевернет твой мир.

Тревога бьет по нервам. В его тоне нет насмешки — только констатация факта. Он что-то знает. Что-то, о чем я даже не подозреваю.

— Я приехала за дипломом. Заканчивай свои психологические игры, Мэдокс, на меня это больше не работает.

Он смотрит на меня так, словно я пытаюсь доказать, что Земля плоская.

— Кассиан.

Голос сбоку заставляет нас обоих дернуться. Адриан Фостер. Возник из ниоткуда, стоит в метре от нас. На меня даже не смотрит — его фокус намертво прибит к другу.

— Эдвард не может до тебя дозвониться, — коротко бросает Адриан.

Кассиан раздраженно выдыхает. Эмоция едва заметная, но она есть.

— Вынужден прервать нашу содержательную беседу, Сиенна, — он снова поворачивается ко мне, натягивая дежурную, пустую вежливость. — Но мы обязательно продолжим. Очень скоро.

Инстинкт самосохранения орет благим матом.

— Да иди ты к черту.

— Непременно, — он делает шаг назад.

Он разворачивается и уходит. Адриан бесшумно следует за ним.

Я остаюсь стоять посреди двора. Вокруг снова нарастает гул студенческих голосов, но я их не слышу. Сердце бьется о ребра так, словно пытается проломить грудную клетку.

Он не блефовал. Что, мать его, происходит в моей семье?

Глава 3.

Глушу мотор, но пальцы всё ещё намертво вцеплены в кожаную оплетку руля.

Смотрю через лобовое стекло на наш дом, и мозг отказывается сопоставлять картинку с воспоминаниями. Фасад облез. Краска на оконных рамах пошла уродливыми пузырями, а между стыками тротуарной плитки торчат жесткие стебли сорняков.

Мамины розовые кусты — ее гордость, над которой она чахла каждые выходные, — превратились в сухой, колючий валежник.

Место гниет заживо. Как я могла этого не знать?

Выдергиваю ключи из зажигания. Хлопаю дверцей так, что звук эхом отскакивает от соседних коттеджей. С каждым шагом по гравию злость, которую во мне распалил Кассиан, трансформируется в холодную, целенаправленную ярость на отца.

Дверь открывается до того, как я успеваю нажать на звонок.

На пороге застывает Эстер. Наша экономка. Женщина, у которой раньше на фартуке не было ни единой складки. Сейчас на ней какой-то застиранный, бесформенный кардиган, а в волосах — сплошное серое серебро. Она выглядит так, словно не спала нормально пару лет.

— Сиенна? — ее глаза расширяются, пальцы нервно комкают край кардигана. — Вы... вы же собирались приехать только к ужину.

Никаких объятий. Никакого «как ты выросла». Только голая, неприкрытая паника.

Значит, в доме точно что-то происходит.

— Планы изменились, Эстер. Где он?

— Мистер Девро в кабинете, но он просил...

Отодвигаю ее плечом, даже не дослушав. Воздух в холле спертый, пахнет застарелой пылью и чем-то неуловимо кислым. Тревожно. Хрустальная люстра над головой мутная, точно покрыта слоем жира.

Взлетаю по лестнице, перепрыгивая через ступеньку. В детстве мы с Алексом носились здесь как ненормальные, сбивая ковры. Сейчас дом абсолютно мертв. Ни звука, кроме моего тяжелого дыхания и стука кроссовок по паркету.

Останавливаюсь перед массивной дубовой дверью кабинета. Секунду смотрю на бронзовую ручку. *«Спроси, какой сюрприз он приготовил»*. Ну давай, папочка. Удиви меня.

Толкаю дверь без стука.

Отец сидит за рабочим столом, обложенный стопками папок. Поднимает голову, и я едва сдерживаю вздох. Это не мой отец. Это какой-то сдувшийся, постаревший на десять лет незнакомец. Кожа землистого оттенка, под глазами залегли темные, болезненные тени. Дорогой костюм висит на нем, как на вешалке.

Из его пальцев выпадает ручка. Звонко бьется о полированное дерево.

— Сиенна? — он дергается вперед, опираясь ладонями о стол. В глазах мелькает лихорадочный испуг. — Ты уже приехала. Я думал... мы договаривались на вечер.

Он судорожно сгребает какие-то бумаги в кучу, пытаясь прикрыть их локтями. Жалкое зрелище.

Закрываю за собой дверь. Прислоняюсь к ней спиной, скрещивая руки на груди.

— Рада, что ты тоже счастлив меня видеть.

— Что ты такое говоришь, солнышко, конечно, я счастлив... — он пытается натянуть улыбку, но губы дрожат. Тянется к графину с водой. Рука ходит ходуном так, что стакан звенит о стекло.

Мимо.

— Давай пропустим стадию фальшивых восторгов, — чеканю, отлепляясь от двери и подходя к столу. — Я только что от главных ворот Блэквуда. Знаешь, кого я там встретила?

Рука отца со стаканом замирает на полпути ко рту. Он сглатывает. Кадык дергается.

— Мэдокс-младший просил передать привет, — продолжаю, упираясь ладонями в край его стола. Нависаю над ним. — И настоятельно рекомендовал поинтересоваться, ради чего именно я вернулась из Парижа.

Отец медленно ставит воду обратно. Вода плещется через край на какие-то графики. Он даже не замечает. Лицо становится пепельно-серым.

— Кассиан... он подходил к тебе? Прямо в кампусе?

— Ближе к делу, пап. Какого черта происходит? Что с домом? Что с тобой? И при чем тут Мэдоксы?

Он отводит взгляд. Смотрит на мокрое пятно на бумагах, потом на окно, потом на свои дрожащие руки. Куда угодно, только не на меня.

— Сядь, Сиенна. Пожалуйста.

— Я постою.

Отец тяжело выдыхает, словно из него выпустили весь воздух. Откидывается на спинку кресла.

— После того, как мамы не стало... я потерял хватку. Пытался компенсировать это агрессивными инвестициями. Азиатский рынок, новые технологии. Огромный проект.

— Который с треском провалился, — констатирую.

— Не сразу. Сначала все было отлично. Я взял кредиты под залог компании, чтобы расширить производство. Думал, что контролирую ситуацию. А потом партнеры кинули нас. Просто исчезли вместе с активами.

В кабинете становится нечем дышать. Я чувствую, как холодеют кончики пальцев.

— Сколько? — спрашиваю коротко.

— Много. Сиенна, банки подали в суд еще месяц назад. Счета заморожены. Компания банкрот. Этот дом... он тоже в залоге. У нас ничего не осталось. Вообще ничего.

Слова бьют по вискам пульсирующей болью. Банкрот. Мы нищие. Мой мозг лихорадочно пытается найти выход. Продать активы? Объявить о реструктуризации? Я могу найти вторую работу...

— И тут появляется Эдвард Мэдокс, — произношу вслух, складывая два и два. Кассиан бы не подошел ко мне просто так.

Отец вздрагивает. Поднимает на меня покрасневшие, воспаленные глаза.

— Да. Эдвард предложил выход. Сделку. Он выкупает наши долги. Полностью. Сохраняет компанию за мной, спасает дом, репутацию...

— В обмен на что?

Семья Мэдоксов не занимается благотворительностью. Они акулы. Они чуют кровь за милю и сжирают жертву целиком. Если Эдвард закрыл такие долги, он потребовал взамен что-то равноценное.

Отец молчит. Смотрит на меня с такой невыносимой, скулящей мольбой, что мне становится физически дурно.

— В обмен на что, пап?! — бью кулаком по столу.

— Слияние активов, — шепчет, вжимая голову в плечи. — Гарантия лояльности.

— Говори по-человечески!

— Свадьба, Сиенна.

Тишина оглушает.

— Эдвард закроет долги, — быстро, глотая слова, тараторит отец, — если ты выйдешь замуж за Кассиана.

Глава 4.

Звук в кабинете просто выключили. Клац — и тишина.

Отец открывает рот, шевелит губами, машет руками, но до меня долетает только гул. Ватный, тяжелый гул собственной крови в ушах.

Замуж. Кассиан.

Пальцы сводит судорогой. Ногти распахивают кожу на ладонях.

Жесть. Какая же больная, сюрреалистичная жесть.

Перед глазами вспыхивает моя парижская квартира. Семь этажей пешком после смены в кафе. Запах жареного лука, вьевшийся в волосы, вопли соседки снизу. Я там заново училась дышать. Собирала себя по кускам, чтобы выжечь из памяти ледяную ухмылку Мэдокса. А теперь мой собственный отец сидит за столом и предлагает вернуть меня обратно в клетку. С бантиком на шее.

— Ты меня продал.

Отец дергается, словно в него плеснули кипятком.

— Сиенна, не смей так говорить! — он судорожно подается вперед, опираясь на локти. — Это бизнес... слияние, понимаешь? Мы в тупике!

— Слияние? — короткий, злой смех царапает горло. — Оформил бартер. Компания в обмен на дочь.

— У меня не было выбора! — он бьет ладонью по столешнице. Стопка графиков съезжает на пол. — Эдвард прижал меня к стенке. Либо ты ставишь подпись, либо завтра нас вышвыривают на улицу. С молотка пойдет всё.

Сжимаю челюсти так, что начинают ныть зубы.

— Значит, пусть идет.

— Ты не понимаешь масштабов катастрофы!

— Я?! — срываюсь. — Это ты не понимаешь! Три года назад ты сам паковал мои чемоданы. Говорил: «Уезжай, забудь этого ублюдка, начни с чистого листа». А теперь стелешь меня под него ради своих кредитов?!

Отец сдувается. Плечи опускаются, он прячет лицо в дрожащих ладонях.

— Прости меня... — бормочет сквозь пальцы. — Дом мамы, Сиенна. Я не могу его потерять. Не могу предать ее память.

— Не прикрывайся мамой. Она бы в лицо тебе плюнула за такие сделки.

Дверь с грохотом влетает в стену, отскакивает обратно. На пороге Алекс. Мятая футболка надета наизнанку, волосы торчат ежом, на щеке красный след от подушки. Глаза дикие.

— Какого хрена вы тут орете на весь дом?! — он переводит взгляд с меня на отца. Секунда — и брат считывает напряжение. — Си? Чего он такой бледный?

— Папочка нашел спонсора, — цежу сквозь зубы. — Отдает меня замуж за Мэдокса. В счет погашения долгов.

Лицо Алекса — отдельный вид искусства. Сначала непонимание. Моргает. Потом до него доходит смысл. Щеки и шею мгновенно заливает бордовым.

— Ты сейчас шутишь, да? — он надвигается на стол, как танк. — Скажи, что это тупая шутка!

Отец вжимается в кресло.

— Александр, успокойся. Это сложная финансовая...

— Да мне насрать на твои финансы! — Алекс бьет ногой по мусорной корзине. — Мэдокс?! Тот самый урод, который ее перед всем универом с дерьмом смешал?! Ты в своем уме?!

— Это единственный шанс сохранить статус...

— Да пусть горит твоя гребаная компания! — орет брат, нависая над столом. Вены на шее пульсируют. — Иди в суд! Объявляй банкротство! Но не смей трогать Сиенну!

Хватаю Алекса за рукав. Ткань натянута, мышцы под ней каменные. Сейчас реальнокинется с кулаками на собственного отца.

— Алекс. Тормози.

— Чего тормози?! — он разворачивается ко мне. — Он тебя этому психопату в рабство сдает! Си, ты же пошлешь их? Скажи, что уже послала!

Его взгляд отчаянный. Ждет, что я кивну.

А я молчу.

Сказать "нет". Развернуться. Уехать обратно в Париж. Смотрю на отца. Жалкий. Трясущийся, серый человек. Без компании он сопьется за месяц. Дом пойдет с молотка, люди останутся без работы. Брат вылетит из колледжа.

Черт. Ненавижу это. Ненавижу себя за то, что сомневаюсь.

— Я еще ничего не решила, — тихо говорю.

Алекс выдергивает руку из моей хватки. Смотрит на меня так, будто я только что на его глазах зарезала щенка.

— Ты больная? Он же тебя сожрет заживо!

— А если я откажусь, мы все окажемся на теплотрассе! — рявкаю в ответ, чувствуя, как горят щеки. — Думаешь, мне хочется лезть в эту петлю?! Думаешь, я забыла, как он со мной обошелся?!

В кабинете повисает тяжелая, удушливая тишина. Слышно только, как со свистом дышит отец. Он медленно поднимает голову.

— Эдвард не даст времени на раздумья. Завтра в семь будет ужин. Они ждут официального ответа.

Завтра.

Меньше суток. Внутри все окончательно обрывается в ледяную пустоту. Никаких путей к отступлению.

Пячусь к выходу. Больше не могу здесь находиться.

— Я иду к себе.

— Сиенна... — голос отца догоняет у самой двери. — Я пойму любой твой выбор. Клянусь.

Оборачиваюсь. Пальцы до хруста сжимают холодную дверную ручку.

— Врешь. Если я откажусь, ты потеряешь свои деньги и репутацию. Но если я соглашусь...

Глотаю колючий ком в горле, отсекая любые эмоции.

— Я потеряю себя. Снова. И на этот раз — это будет на твоей совести.

Глава 5.

Зеленый шелк липнет к телу. Тяну ткань на бедре вниз. Бесполезно. Она снова собирается мелкими складками. Ладно. Пусть так и остается.

Серебряный мамин браслет царапает запястье. Единственная настоящая вещь на мне прямо сейчас. Смотрю на свое отражение. Красивая упаковка. Именно так это и работает на корпоративном рынке, да? Компания-банкрот идет в комплекте с дочерью директора. Мама бы, наверное, сожгла этот дом дотла, узнай она о сделке.

Дверные петли противно скрипят. Алекс застывает на пороге. На нем тот самый выпускной костюм. Рукава заканчиваются на пару дюймов выше косточки, плечи трещат по швам. Вымахал. Когда только успел?

— Охренеть, — выдыхает, оглядывая меня с ног до головы. — Ты выглядишь... дорого.

— Три года в колледже, а словарный запас как у неандертальца.

— Я к тому, что ты слишком хороша для этого дерьма. — Он делает шаг внутрь, понижая голос до хриплого шепота. — Собирай сумку. Десять минут.

— Что?

— У бати Давида джет стоит в Тетерборо. Завтра утром будем в Индонезии. Пошли они все в задницу, Си. Мэдоксы, долги, этот дом.

Индонезия. Никаких ледяных психопатов. Картинка оседает на языке сладким привкусом ровно на две секунды. Потом включается мозг.

— А отец? — разворачиваюсь обратно к зеркалу, поправляя вырез. — Он нажрется до комы к четвергу. А в пятницу приставы выкинут его на улицу.

Алекс хватается меня за локоть. Жестко.

— Он сдал тебя в аренду за гребаный кредит! Какого хрена ты играешь в Жанну д'Арк?

— Потому что он жалкий, Алекс. Посмотри на него. Если мы свалим, он просто сдохнет.

— Значит, решила сдохнуть за него? Рядом с этим ублюдком?

— Это контракт, а не расстрел, — выдергиваю руку, привычным жестом одергивая лацкан его куцевого пиджака. — Просто... не распускай кулаки сегодня. Договорились?

Его челюсть каменеет.

— Если он хотя бы посмотрит на тебя криво, я сломаю ему нос. Мне плевать на его бабки.

Дубовые ступени скрипят под каблуками слишком громко. Из гостиной доносится низкий, ровный баритон. Эдвард Мэдокс. И в ответ — суетливая, сбивчивая скороговорка отца.

Останавливаемся в арке. Отец буквально вибрирует у камина, нервно дергая манжеты рубашки. Рядом возвышается седовласая акула в костюме, сшитом на заказ. Взгляд Эдварда скользит по мне.

Адекватно. Вот что читается в его глазах.

А потом боковым зрением я улавливаю движение у окна.

Кассиан.

Желудок делает резкий кульбит. Идеально скроенный смокинг. Хищные линии плеч. Темные пряди уложены волосок к волоску. Внутри все рефлекторно сжимается. Жду ухмылку. Тот самый высокомерный взгляд, которым он размазал меня по полу три года назад.

Поднимаю глаза. Ничего. Абсолютно пустой, серо-голубой лед.

— А, Сиенна! — голос отца дает петуха. Улыбка на его лице больше похожа на мышечный спазм. — Вот и она.

Эдвард делает шаг вперед, протягивая руку. Ту самую руку, которая, вероятно, сегодня пустила по миру парочку конкурентов.

— Мисс Девро. Реальность превосходит любые описания. Рад знакомству.

Его хватка как железные тиски.

— Мистер Мэдокс, — натягиваю улыбку. — Взаимно.

Кассиан отталкивается от подоконника. Двигается бесшумно, плавно. Шаг, другой. Останавливается непозволительно близко. Кожа мгновенно покрывается мурашками, которые я отчаянно пытаюсь игнорировать.

Он протягивает руку. Хочу сделать шаг назад, но его пальцы уверенно смыкаются на моих.

— Изумрудный — определенно твой цвет, — тон ровный, гладкий.

— А черный отлично подходит твоей душе, — шепчу в ответ, не снимая пластиковой улыбки с лица.

Микроскопическое движение в уголке его губ. Он не отпускает мою руку. Просто проводит большим пальцем по костяшкам. Медленно. Кожу обжигает.

Резко выдергиваю ладонь, отступая на полшага к Алексу. Брат тут же напрягается, как сторожевой пес.

Отец громко хлопает в ладоши. Звук повисает в напряженном воздухе нелепым эхом.

— Что ж! Столовая готова. Прошу к столу.

Агнцы на заклание поданы. Давай, Сиенна. Просто переживи этот вечер.

Глава 6.

Пялюсь в тарелку с каким-то запеченным сибасом, который на вкус сейчас как картон. Воздух в столовой плотный, хоть ножом режь.

Эдвард Мэдокс вещает на другом конце бесконечного стола. Жонглирует макроэкономикой, слияниями и процентными ставками. Отец кивает, судорожно промокая лоб салфеткой. Каждое его «да, безусловно» звучит как скулеж побитой собаки. Тошнит.

Поднимаю глаза. Кассиан сидит прямо напротив. Спина — стальной прут. Идеальная осанка, идеальный узел галстука. Смотрит куда-то сквозь меня, словно я предмет интерьера. А я кожей чувствую этот его арктический холод.

Слева от меня вибрирует Алекс. Реально вибрирует. Он сжимает вилку так, что костяшки побелели. Дышит тяжело, со свистом. Вены на шее вздулись.

Дзинь!

Серебряная вилка летит через стол и со звоном отскакивает от хрустального бокала Эдварда.

— Заканчивайте этот спектакль, — голос брата срывается на рык. Он упирается ладонями в столешницу, нависая над тарелками. — Хватит обсуждать гребаные рынки. Все знают, зачем мы здесь.

Отец давится вином.

— Александр! Сядь немедленно! Это деловая...

Эдвард просто поднимает ладонь. Одно ленивое движение — и отец захлопывает рот, точно ему перерезали голосовые связки. Власть в чистом виде. Жутко.

— Юношеский максимализм, — Эдвард промокает губы салфеткой. — Утомительно, но ожидаемо. Ваш сын прав, Роберт. Время — деньги. Суть нашего договора предельно проста: взаимовыгодная интеграция.

— Интеграция? — Алекса трясет. — Вы покупаете ей ошейник! А этот... — он тычет пальцем в Кассиана. — Этот психопат уже однажды вытер об нее ноги! И вы думаете, я позволю...

— Алекс.

Голос Кассиана тихий. Никакого нажима. Никакой злости. Но от этого тона температура в комнате падает до нуля. Он медленно переводит взгляд на моего брата.

— Твоя агрессия понятна. Но неактуальна. То, что было в прошлом, там и останется. Твоя сестра получит максимальный уровень защиты и статус. Никаких... инцидентов больше не предвидится.

Алекс багровеет.

— Защиты? От кого? От тебя?! Ты же ее сожрешь!

Хватаю брата за рукав. Ткань натянута до предела, мышцы под ней каменные. Сейчас кинется через стол.

— Тормози, Алекс, — цежу сквозь зубы. — Сядь.

Брат смотрит на меня с отчаянием. Будто я добровольно лезу в петлю. Ну да, так и есть. Но если он сейчас сорвет сделку, мы все окажемся на улице.

Перевожу взгляд на старшего Мэдокса.

— Давайте без прелюдий. Условия.

Эдвард слегка склоняет голову. Оценивает.

— Один год, мисс Девро. Вы официально становитесь невестой Кассиана. Светитесь на нужных раутах, улыбаетесь в камеры, даете правильные интервью. Красивая история примирения. Взамен долги вашего отца обнуляются завтра утром. Компания остается за ним.

Делает паузу, сцепляя пальцы домиком.

— Что происходит за закрытыми дверями вашей спальни — меня не волнует. Можете спать в разных комнатах или ненавидеть друг друга. Главное — идеальная картинка для прессы.

Год. Триста шестьдесят пять дней. Изображать счастливую идиотку под руку с человеком, который меня уничтожил. А потом — свобода.

Смотрю на Кассиана. Ни один мускул не дрогнул. Ему вообще плевать. Он просто выполняет приказ папочки.

— Я согласна, — голос звучит сухо, чуждо. — Но у меня есть встречные пункты. Иначе сделка отменяется.

Эдвард приподнимает бровь.

— Дерзайте.

Выпрямляю спину. Руки прячу под стол, чтобы никто не видел, как дрожат пальцы.

— Первое. Никакого физического контакта без свидетелей. Никакого секса. Моя кровать — моя территория. Вне камер мы даже не прикасаемся друг к другу.

Краем глаза замечаю, как у Кассиана дергается желвак на скуле.

— Принимается, — кивает Эдвард.

— Второе. Вы не лезете в мою учебу и мою работу. Мои картины и мое расписание принадлежат мне.

— Если это не вредит имиджу семьи — пожалуйста.

— Третье. Через год мы мирно расходимся. Никаких продлений контракта, скрытых штрафов или попыток снова прижать мою семью. Гарантии прописываются юристами.

Тишина. Эдвард смотрит на меня несколько долгих секунд. Потом его губы растягиваются в ледяной усмешке.

— Вы зря тратите время на холсты, Сиенна. У вас отличная деловая хватка. Контракт будет готов завтра. Кассиан?

— Меня устраивает, — сухо роняет он.

— Чудно, — старший Мэдокс лезет во внутренний карман пиджака и достает черный бархатный футляр.

Желудок скручивает спазмом. Прямо сейчас?

Эдвард толкает коробочку по полированному столу. Она скользит и останавливается ровно перед Кассианом.

Он встает. Берет футляр. Медленно обходит стол. Каждый его шаг отдается гулом в ушах. Мой личный палач идет надевать на меня наручники.

Останавливается. Опускается на одно колено. Сюрреализм чистой воды. Алекс рядом издает сдавленный рык. Отец перестает дышать.

Щелчок. Крышка откидывается. Внутри — монструозный сапфир, окруженный россыпью бриллиантов. Холодный, тяжелый камень. Метка собственности.

Кассиан поднимает на меня глаза. Серо-голубая бездна.

— Сиенна Девро, — его голос звучит ровно, заученно. — Окажешь ли ты мне честь стать моей женой?

Смотрю в его глаза. Ни капли эмоций.

— Да.

Он берет мою руку. Пальцы обжигает. Металл скользит по коже, кольцо садится идеально. Тяжелое. Слишком тяжелое.

Он поднимается с колен. Наклоняется. По сценарию сейчас должен быть поцелуй для закрепления сделки. Вжимаюсь в стул, готовясь к удару.

Его губы останавливаются в миллиметре от моей щеки. Дыхание горячей волной бьет по коже шеи.

— Не дрожи, Мышка, — шепчет он так тихо, что слышу только я. — Я не собираюсь тебя ломать.

Воздух застревает в легких. Год. Я должна продержаться всего один год.

Глава 7.

Холст издевается надо мной. Целый час вожу кистью, пытаюсь выдавить из себя хоть какую-то абстракцию, но на выходе получается лишь грязное сине-серое месиво. Прямо как мое настроение.

Стукаю древком кисти по краю мольберта.

Телефон, брошенный между тубиками с ультрамарином, коротко вибрирует. Экран загорается.

«Внизу. Пять минут. Выходи, или наша обзорная экскурсия начнется прямо в твоей студии».

Читаю. Моргаю. Читаю еще раз. Экскурсия? Он там перегрелся в своем костюме? Я знаю в Блэквуде каждую трещину на асфальте.

Вытираю перемазанные краской пальцы о тряпку. Печатаю:

«Сам гуляй. У меня работа».

Ответ прилетает через три секунды. Быстро печатает, зараза.

«Две минуты. Если поднимусь — устрою такое шоу воссоединения, что весь этаж будет обсуждать это до диплома. Выбирай».

Блин. Он реально поднимется. Ввалится сюда со своей идеальной укладкой, прижмет к стене на глазах у первокурсников. Внутренности скручивает от злости. Шантажист хренов. Знает же, как я ненавижу внимание.

Швыряю телефон в рюкзак. Молния заедает, дергаю со всей дури.

Выскакиваю из корпуса искусств ровно через три минуты. Солнце бьет по глазам.

Он там. Опирается на капот своей машины. Темно-синий кашемировый свитер, руки в карманах. Вокруг него уже образовался стихийный радиус обожания — стайка студенток щебечет неподалеку, стреляя глазками и выгибая спины. Одна даже телефон достала, делает вид, что селфи пилит, а сама ловит его в кадр.

Какой цирк.

Спускаюсь по ступеням. Кассиан переводит взгляд на меня, и студентки тут же испаряются с радаров его внимания.

— Специально нанял массовку для фона, или они сами на твой эгоцентризм слетаются? — останавливаюсь в полутора метрах.

Его губы едва заметно дергаются.

— Ревнуешь, Сиенна? — таким голосом, только змей заговаривать.

— Очень. Какая экскурсия, Мэдокс? Я тут год отпахала. Знаю, где какая урна стоит.

— Отпахала? Скорее, пряталась по углам, — он отталкивается от машины. Шаг ко мне. Воздух между нами мгновенно уплотняется. — Кампус изменился, пока ты пила вино на Мон-мартре.

— Я пила дешевый эспрессо и мыла посуду по ночам, — огрызаюсь.

Он не отвечает. Просто протягивает руку ладонью вверх. Ждет.

Стискиваю зубы так, что челюсть ноет, и вкладываю свою ладонь в его.

Он тут же переплетает наши пальцы. Жестко. Уверенно. Его кожа горячая, сухая, а мое кольцо врезается мне в соседний палец. Холодное клеймо.

Тянет меня за собой по главной аллее. Самое оживленное время. Перерыв между лекциями.

Кожа на затылке начинает гореть. Я не смотрю по сторонам, но чувствую эти взгляды. Они липкие. Тяжелые. Слышу шелест чужих разговоров, который замолкает, стоит нам поравняться с толпой, и вспыхивает с новой силой за спиной.

«Смотри, это реально они...» «Кольцо видела? Охренеть...» «А гордости ноль...»

Втягиваю голову в плечи. Хочется выдернуть руку и залезть под ближайший куст. Шаг становится деревянным, спотыкаюсь на ровном месте. Кассиан дергает меня на себя, не давая упасть, и резко тормозит.

Мы стоим прямо посреди аллеи. На виду у сотни человек.

Он разворачивается ко мне. Наклоняется так близко, что я чувствую запах ветивера и мяты.

— Сделай лицо попроще, — цедит, почти не шевеля губами. — Ты похожа на заложницу, которую ведут на расстрел.

— Я и есть заложница.

В его серых глазах вспыхивает что-то темное. Опасное.

— Либо ты сейчас улыбаешься и играешь роль, — его свободная рука ложится мне на талию, пальцы впиваются сквозь тонкую ткань кофты. — Либо я покажу всему Блэквуду, как сильно скучал по твоим губам. Прямо здесь. С языком.

Воздух застревает в легких. Он не шутит. Он реально это сделает. И завтра фотки, которые, наверняка, успеют сделать, будут в каждом групповом чате.

Мышцы лица сводит судорогой, когда я растягиваю губы. Получается какой-то жуткий оскал, но, видимо, это его устраивает.

— Умница, — шепчет. Отстраняется.

Продолжаем идти. Я дышу через раз. Киваю каким-то знакомым лицам, не различая их. Просто держи фасад, Сиенна.

Аллея сворачивает вправо. Впереди вырастает массивная готическая постройка. Темно-красный кирпич, стрельчатые окна, густой плющ, оплетающий фасад до самой крыши.

Библиотека.

Кроссовки намертво прилипают к брусчатке. Ноги отказываются делать следующий шаг. Горло перехватывает тугим узлом.

Здесь все началось. На этом самом месте. И прямо сейчас меня тошнит от одного вида этих кирпичей.

Глава 8.

Три года назад

Бетонные ступени ледяные. Холод прошибает тонкие колготки, но я упорно сижу, поджав под себя замерзшие ноги. Очередная затяжка ползет от колена вверх — зацепилась за какой-то гвоздь у входа.

Пластиковый стакан обжигает пальцы холодом. Кофе давно превратился в мерзкую бурую жижу, но выкинуть жалко.

Пытаюсь сфокусироваться на строчках. Караваджо. Игра света и тени. Нужно выжать пятнадцать страниц, а у меня набралось семь с половиной, и те — сплошная вода. Дужка очков в сотый раз съезжает на кончик носа.

— Пытаешься просверлить бумагу взглядом?

Вздрагиваю так, что ручка вылетает из пальцев и с тихим стуком катится по бетону вниз.

Тень падает прямо на мой конспект. Поднимаю голову. Кассиан Мэддокс. Местная элита. Кашемировое пальто, идеальная укладка, взгляд, от которого девчонки с моего потока забывают, как дышать.

А я тут. В дырявых колготках, с гнездом на голове, похожая на замученную библиотечную мышь. Щеки обдаёт жаром. Резко сдергиваю очки, чтобы хоть как-то спасти ситуацию.

— Изучаю текстуру страниц, — бурчу, наклоняясь за ручкой.

Вместо того чтобы пройти мимо, он опускается рядом. Прямо на грязные ступени. Его плечо оказывается непозволительно близко. Пахнет чем-то терпким, дорогим.

— Караваджо, — он без спроса тянет к себе мою тетрадь. Пробегается взглядом по каракулям. — Слишком предсказуемо. Все пишут про его контрасты.

— Предсказуемо? — возмущаюсь, выхватывая конспект обратно. — Он не делал "красиво". Он не использовал тень просто как фон для светлого пятна. У него тень — это настоящая, плотная тьма. Бездну не спрячешь за пастельными тонами, понимаешь?

Кассиан чуть поворачивает голову. Его глаза — серо-голубые, почти прозрачные на свету — цепляются за мое лицо.

— И почему современные художники этого избегают?

Он не издевается. Реально ждет ответа.

— Потому что люди не хотят смотреть в бездну, пока пьют свой утренний латте, — меня несет. Я забываю про холод. Про то, кто сидит рядом. — Им нужен фильтр. Стерильность. А искусство без мрака — это просто обои для гостиной.

Мы спорим. Жестко. Он бьет аргументами, не делая скидок, заставляет мой мозг работать на пределе. Время просто стирается.

Пока он не смотрит на дорогие часы на запястье.

— Опаздываю на встречу с деканом.

Кассиан поднимается одним плавным движением. А потом наклоняется, вытягивает из моих замерзших пальцев ручку и быстро пишет ряд цифр на полях моего эссе.

— Если захочешь продолжить спор про обои и бездну, — он кивает на мой стакан. — И я покажу тебе место, где варят нормальный кофе, а не эту кислоту.

Он уходит, не оглядываясь. А я сижу, тупо пялясь на цифры.

Откуда мне было знать, что этот номер — билет в персональный ад? Что через несколько недель я буду стоять посреди элитного клуба, глотая слезы под оглушительный смех толпы? В тот момент я просто по-идиотски улыбалась.

— Сиенна. Выдыхай.

Голос бьет по нервам, вырывая из воспоминаний. Моргаю. Читальный зал библиотеки. Запах старого клея, пыли и лимонной мастики бьет в нос. Когда мы вообще успели сюда дойти?

Кассиан стоит у массивного антикварного глобуса. Раскручивает его длинным пальцем. Материки сливаются в смазанное пятно.

Глобус со скрипом останавливается. Кассиан прячет руки в карманы брюк.

— Я помню твое место.

— О чем ты?

Он кивком указывает в глухой угол между стеллажами по архитектуре.

— Зеленое кресло. Ты всегда забиралась в него с ногами. Когда читала что-то сложное, наматывала пряжу на палец. А когда пыталась сделать вид, что не смотришь в мою сторону — держала книгу вверх ногами.

Внутри все обрывается. Желудок делает кульбит.

— Ты... наблюдал за мной? — голос звучит сухо. Кровь стучит в висках. — Seriously? Тебе настолько нечем было заняться?

— Мы занимались в одном зале. Трудно было не заметить.

— О, конечно! — делаю резкий шаг к нему. — Какое увлекательное реалити-шоу для скучающего мажора! Давайте посмотрим, как убогая мышка грызет гранит науки, прежде чем скормить ее котам! Весело было? Смеялся про себя?

Челюсть Кассиана каменеет.

— Я не смеялся.

— Да что ты! А в "Олимпе" у тебя просто нервный тик случился?

Он сокращает дистанцию. Надвигается так, что мне приходится вжаться лопатками в стеллаж с энциклопедиями. Дерево больно впивается в спину.

— Я привел тебя сюда не для того, чтобы беречь раны. Я привел тебя, потому что здесь, в этом зале, и на тех ступенях — всё было по-настоящему. Ты была живой.

Его запах бьет по рецепторам.

— А ты был лжецом.

Смотрит на меня еще секунду. Глубоко, рвано вдыхает, словно гасит внутри пожар, резко разворачивается и идет к выходу.

А я плетусь следом.

Глава 9.

Замираю перед этой стеклянной громадиной. Солнце бьет по фасаду так, что приходится щуриться. Здание выглядит чужеродным на фоне старых кирпичных корпусов Блэквуда.

— И давно это тут появилось? — киваю на тонированные стекла.

— Центр современного искусства. Открыли в прошлом году. — Кассиан останавливается рядом. — Выпускники скинулись. Ну и мой отец закрыл львиную долю сметы, разумеется.

Разумеется. Мэдоксы метят территорию.

— Во сколько твоему отцу обошлось это архитектурное уродство? — щурясь, киваю на фасад.

— Достаточно, чтобы его имя выбили золотом на входе, — ровно отзывается Кассиан.

Заходим внутрь. Белый глянец, белый потолок, ослепительно белые стены. В нос бьет запах кварцевания и дорогой краски. Стерильно. Как в морге, только с фуршетом. На стене висит пара холстов — какая-то ленивая геометрия, претендующая на глубокий смысл.

Провожу пальцем по идеальному стыку панелей. Ни пылинки.

— Беннет, наверное, крестится, когда проходит мимо этой богадельни, — хмыкаю. — У Мэдоксов это генетическое? Обязательно нужно ставить клеймо на всем, до чего дотянетесь?

Он поворачивает голову. Взгляд цепляет мой подбородок, скользит ниже, к шее.

— Мы не ставим клейма, Мышка. Мы просто берем то, что наше. И обустройстваем по своему вкусу.

От его тона по коже пробегает противный холодок.

Из-за поворота вываливается профессор Ландау. Лысина блестит от пота, твидовый пиджак застегнут криво. Увидев Кассиана, он буквально расцветает.

— Мистер Мэдокс! Какая честь! Сиенна! — он суетливо жмет нам руки, чуть ли не кланясь. — Все готово! Как и договаривались, северная сторона. Вытяжка, панорамные окна... Оборудование распаковали еще с утра!

Стоп. Какое оборудование?

Желудок делает резкий кульбит.

— Тормозите, профессор, — вклиниваюсь в этот поток лести. — Оборудование? Для чего?

Ландау замирает. Хлопает глазами сквозь толстые линзы.

— Как... для вашего гранд-проекта, Сиенна. Ваш творческий тандем с женихом! — Он театрально всплескивает руками. Двери перед нами разъезжаются. — Семья Мэдокс оплатила годовую квоту факультета, и мы, разумеется, выделили вам лучшее закрытое пространство...

Закрытое пространство. Он и я. Часами. Наедине. Бред. Бред. Бред.

Вхожу внутрь на деревянных ногах. Мастерская — рай. Паркет из натурального дуба. Запах свежего дерева. Стеллажи забиты нераспечатанными тубами масляных красок, на подставках — нулевые холсты. Сварочный аппарат в углу.

За спиной тихо, почти интимно, щелкают двери. Ландау технично свалил.

Кассиан неспешно подходит к столу. Берет мастихин. Крутит его длинными пальцами так, будто всю жизнь только и делал, что грунтовал холсты.

Меня накрывает.

— Тебе мало цирка снаружи? — Голос звенит, отскакивая от голых стен. — Какого черта ты лезешь в мое искусство?!

Он даже не дергается. Бросает мастихин.

— Успокойся и включи голову. Это пойдет тебе в диплом. А для прессы — идеальный прогрев. Молодая художница и наследник империи создают шедевр. Цифры лояльности взлетят.

— Цифры?! — В два шага подлетаю к столу, хватаю пластиковую палитру и с размаху швыряю в стену. Она разлетается с сухим треском. — Мои холсты — это не твой гребанный бизнес-план! Это единственное место, где тебя нет!

Ледяные глаза сужаются. Он делает шаг навстречу.

— Привыкай. Теперь мы — один актив, Сиенна. И я буду там, где сочту нужным.

Пячусь. Бедра впечатываются в жесткий край верстака. Отступать некуда. Кассиан надвигается, пока не заполняет собой все мое поле зрения. Вторгается в личную зону нагло, как танк. Запах морозной улицы и горького ветивера бьет по обонянию. Двадцать сантиметров. Пятнадцать.

Упираюсь руками в стол позади себя, ногти скребут по дереву. Пульс долбит в висках так, что закладывает уши. Воздуха катастрофически мало. Тело предательски реагирует на его жар — мышцы сводит, волоски на руках встают дыбом.

— И как ты себе это представляешь? — шиплю, задирая подбородок. — Будешь стоять рядом в своем костюме за пять штук и подавать мне кисточки?

— Я буду направлять процесс, — его голос падает до глухого баритона. Вибрирует прямо под кожей.

Мы застываем. Я почти чувствую, как его грудная клетка поднимается от дыхания. Взгляд Кассиана темнеет, опускается на мой приоткрытый рот.

И вдруг он отшатывается. Резко. Словно его током пробило. Отворачивается к панорамному окну. Спина натянута как струна, кулаки в карманах пальто упираются в ткань.

— Концепция проекта — «Метаморфозы», — произносит он уже ровно, глядя на внутренний двор. — Разрушение старой формы. Сброс панциря. Эмоция, которая заперта, но находит выход через трещины.

Он бьет ниже пояса. Прямо в вену. Это не корпоративная чушь. Это идея. Мощная, живая. Именно то, что я вынашивала в Париже, когда собирала себя по кускам. Излом формы.

Сжимаю зубы до скрипа. Нельзя показывать, что он меня зацепил.

— Какая техника? — бросаю сухо.

Кассиан поворачивается. Желвак на его скуле дергается. Он считывает мой интерес.

— Промышленный металл, стекло и ткань. Инсталляция.

Злость смешивается с творческим зудом. Ненавижу его за то, что он знает, на какие кнопки жать.

— Зачем этот мазохизм, Мэдокс? — скрещиваю руки на груди, возводя хоть какой-то барьер. — Кинул бы денег студентам, они бы сварили нам кусок арматуры. Сделали бы селфи на фоне и разбежались. Зачем запирать нас в одной комнате?

Он сокращает расстояние одним броском. Снова нависает, но теперь в его глазах нет ледяного калькулятора. Там прорывается что-то болезненное. Злое.

— Потому что меня тошнит от твоего пластмассового лица, — выплевывает он мне в лицо. — Тошнит от того, как ты терпишь меня для галочки. Я хочу, чтобы ты бесилась. Хочу, чтобы орала на меня, спорила, резала руки об этот металл. Хочу, чтобы хоть здесь ты была живой.

Воздух просто испаряется из легких. Каждое слово — как удар под дых. Мы смотрим друг на друга в оглушительной тишине мастерской. Я забываю, как дышать.

Мгновение — и он захлопывает створки. Маска возвращается на место. Лицо снова ничего не выражает.

— Эскизы и смета — в четверг. До обеда.

Он разворачивается и уходит. Тяжелая дверь закрывается за ним с мягким щелчком, а я так и остаюсь стоять у стола, вцепившись в край до побелевших костяшек.

Глава 10.

Двери лифта бесшумно расползаются в стороны. Выползаю в коридор, делаю шаг и... офигеть.

Кроссовки вязнут в ковре толщиной в палец. Оглядываюсь по сторонам, и челюсть непроизвольно едет вниз. Это что, Версаль? По углам стоят мраморные статуи голых мужиков с фиговыми листочками на причинных местах. С потолка свисает каскад хрусталя, отбрасывая острые блики на идеальные стены.

Это точно студенческая общага? Или я этаж перепутала и вышла в пятизвездочном отеле?

— У них тут что, золотые унитазы? — бормочу себе под нос, разглядывая лепнину. — Обычным студентам здесь точно не место. Только мажорам и их... невестам поневоле.

— Привет!

Подскакиваю от неожиданности и резко разворачиваюсь. В дверях стоит девчонка. Фиолетовые пряди ярко выделяются на фоне черных волос. На ней застиранная футболка с названием какой-то неизвестной мне группы, рваные джинсы и тяжелые армейские ботинки. На фоне этого вылизанного мраморного коридора она выглядит как протест.

— Зои Чен, — она протягивает руку. На ее запястье столько кожаных шнурков и браслетов, что непонятно, как она вообще руку поднимает. — Твоя соседка по этому... как его... дворцу для избранных.

Жму ее мозолистую ладонь. Она точно не принцесса на горошине.

— Сиенна Девро.

— Так ты та самая! — брови Зои взлетают вверх, скрываясь под челкой. — Невеста Мэдокса! Блин, весь кампус только об этом и триндит. Типа великая любовь победила все преграды, Ромео и Джульетта нашего времени, вот это всё...

По ее насмешливому тону сразу понятно — ни единому слову из этой пиар-сказочки она не верит. Наконец-то хоть кто-то адекватный. У меня аж плечи расслабляются.

— Угу, прям любовь века, — сухо фыркаю. — Такая сильная, что аж зубы сводит.

Зои одобряюще скалится.

— Заходи, покажу нашу халупу.

Переступаю порог и замираю. Квартира выглядит так, будто сюда сбросили бомбу из книг и проводов. Книги везде: стопками на полу, на подоконниках, даже на кухонном столе. На диване — хаос из разноцветных подушек, стены заклеены постерами рок-групп вперемешку с распечатками какого-то программного кода.

— Это всё твоё?

— Ага. Люблю читать. И кодить. И слушать музыку, которая мозги выносит. В общем, я многогранная личность, — Зои небрежно пинает ногой стопку тяжелых учебников, освобождая мне проход. — Твоя комната вон там. Ванная общая, кухня тоже. И да, видишь те два кактуса у окна? Это Боб и Марли. Мои дети. Тронешь — прибую.

Киваю, прохожу к своей двери, толкаю ее и... мать моя.

Воздух застревает в горле. Это не комната. Это президентские апартаменты. Огромная кровать с балдахином. В студенческой общаге! Окна от пола до потолка с сумасшедшим видом на весь кампус.

Но взгляд цепляется за другое. На прикроватной тумбочке стоит стеклянная ваза. В ней — идеальный, пышный букет белых роз.

Медленно подхожу ближе. Рядом с вазой лежит карточка из плотного дорогого картона. Я даже чувствую, как от нее тянет тяжелым мужским парфюмом. Тем самым ветивером. Наверное, специально опрыскал бумагу для пущего эффекта.

Беру карточку двумя пальцами. Ровный, острый почерк:

«Надеюсь, новое жилье соответствует твоим ожиданиям. К.М.»

Внутри вспыхивает глухое раздражение. Даже в этой дурацкой записке он умудряется показать, кто здесь всё контролирует. Мол, смотри, какую красивую клетку я тебе организовал, мышка. Золотые прутья, шелковая подстилка.

Резко сминаю карточку в кулаке и швыряю в мусорное ведро. Перехватываю розы прямо за стебли и отправляю туда же, поверх бумажного комка. Пусть знает: я не та девочка, которую можно купить цветами. Даже очень дорогими.

— Ого, розы в помойке! — Зои материализуется в дверном проеме. — Ты аллергик?

— Аллергик на понты, — отзываюсь, вытирая ладони о джинсы.

— Респект. Кофе будешь?

Выхожу за ней обратно в гостиную. Зои уже возится на кухне с кофеваркой. На кухонном острове раскрыт ноутбук, по черному экрану бегут цветные строчки.

— Работает?

— Ага. Взламываю Пентагон, — она даже не оборачивается. — Шучу. Просто задание по кибербезопасности делаю. Скукотища смертная, но стипендию платят.

От кофеварки начинает тянуть умопомрачительным запахом настоящих зерен, и у меня сводит пустой желудок.

— Так как там, в мире богатых и знаменитых? — Зои наливает кофе в две кружки и пододвигает одну мне. — Уже планируешь побег?

Беру горячую чашку, делаю осторожный глоток.

— Всё... сложно.

Ну да, мастер красноречия. Как вообще объяснить девчонке, которую знаешь пять минут, что твоя семья по уши в долгах, а твой «жених» — тот самый мудака, который три года назад растоптал тебя на глазах у всего универа?

— Дай угадаю, — Зои садится на высокий стул, скрестив ноги. Ноутбук пристраивает на коленях, но смотрит прямо на меня, сканируя. — Семейные проблемы, долги, и Мэдоксы великодушно протянули руку помощи. В обмен на твою свободу.

Горячий кофе застревает в горле. Я судорожно кашляю, едва не проливая кипятка на джинсы.

— Откуда ты...

— Да ладно, это же классика жанра. Богатый спасает бедную, но не просто так. Я тут уже год, насмотрелась на местные нравы. Мэдоксы вообще те еще... — она на секунду запинаясь, словно проглотив ругательство. — В общем, я в курсе их методов.

Ставлю кружку на стол.

— И что ты знаешь про Кассиана?

— О, про младшего Мэдокса тут легенды ходят, — Зои хмыкает. — Красивый, умный, холодный как арктический лед. Девчонки вешаются, а он — ноль эмоций. Ходят слухи, что у него вообще сердца нет. Отец в детстве вырезал и продал за акции какой-нибудь корпорации.

Горько усмехаюсь в кружку. Ну да, это многое бы объяснило.

— А еще, — Зои понижает голос, хотя в квартире мы одни, — я пару раз видела, как он с преподами общается. Знаешь, он даже не повышает голос. Просто смотрит так... и всё. Взрослые мужики, профессора с докторскими степенями превращаются в первокурсников, которые завалили контрольную. Жуть.

Желудок стягивает ледяным узлом. Я помню. Я слишком хорошо помню этот его фирменный взгляд «ты — пустое место». Три года прошло, а я до сих пор иногда просыпаюсь в холодном поту, вспоминая, как он смотрел на меня сверху вниз.

— Эй, ты чего? — Зои спрыгивает со стула, заметив, как я напряглась.

— Да нет, просто... вспомнила кое-что.

Она смотрит на меня долгим, внимательным взглядом. А потом кивает. Не лезет с расспросами, не ковыряет рану, и я ей за это безумно благодарна.

— Слушай, я обычно не лезу в чужую жизнь, — Зои опирается руками о столешницу. — У каждого свои скелеты в шкафу, и я последняя, кто будет их вытаскивать. Но если тебе понадобится помощь, я здесь. Реально. Хоть взломать его банковский счет, хоть алиби обеспечить, если решишь его прибить во сне.

Я моргаю. А потом смеюсь. Коротко, искренне — первый раз за все эти сумасшедшие дни.

— Спасибо. Но почему ты хочешь помочь? Мы же только познакомились.

Лицо Зои на мгновение становится жестким, непроницаемым.

— У меня свои счета с мажорами, которые думают, что им всё можно. С Мэдоксами в частности. Но это уже другая история. Короче, просто знай — ты не одна.

Допиваю остывший кофе. Горечь оседает на языке, но дышать вдруг становится ощутимо легче. По крайней мере, соседка попалась нормальная. Не фанатка Кассиана, которая будет ночами караулить под дверью, чтобы увидеть своего кумира.

— Ладно, мне пора вещи разбирать, — поднимаюсь со стула и ставлю пустую кружку в раковину.

— Угу, — кивает Зои, снова открывая ноутбук.

Иду в свою новую комнату, чувствуя себя чуть менее разбитой. Главное сейчас — просто не смотреть в мусорное ведро, где среди сломанных белых роз лежит карточка с его инициалами.

Глава 11.

Три года назад

Воняет скипидаром. Этот едкий химический запах забивается в нос, мешая дышать. Джессика стоит ко мне спиной, ожесточенно втирая жженую синеву в палитру. Скрип мастихина по дереву режет по ушам.

Мы же только вчера сидели на моей кровати. Она прикладывала к моей груди то самое темно-синее платье, хлопала в ладоши и визжала, что я сведу его с ума. А сейчас между нами словно бетонную стену возвели.

— Джесс? — голос звучит жалко. Ненавижу это.

Она замирает. Плечи напрягаются под заляпанным краской фартуком.

— Слушай, Сиенна, не сейчас. У меня просмотр у Беннета завтра, я горизонт завалила. Брехня. У нее идеальный глазомер, она никогда не валит горизонт.

— Давай без этого, — делаю шаг вперед. Ботинки липнут к грязному полу. — Что изменилось за ночь? Кроме того, что я стала посмешищем для всего кампуса.

Она наконец поворачивается. Мاستихин зажат в руке. В глазах ни грамма сочувствия — только холодная, безгловая усталость.

— А ты ждешь, что я буду сопلي тебе вытирать? — она кривит губы. — Очнись уже. Посмотри в зеркало, а потом посмотри на Мэдокса. Ты реально думала, что это сказка про Золушку? Что он бросит к твоим ногам свою империю только потому, что ты умеешь красиво смешивать краски?

Удар под дых. Точный, выверенный. Воздух со свистом выходит из легких. Самое мерзкое — часть меня, та самая забитая мышь внутри, с ней абсолютно согласна.

— Я думала, что он... не такая мразь, как остальные. И что ты — моя подруга.

Джессика коротко, зло смеется. Бросает мастихин на стол.

— Подруга. Какое милое слово. Знаешь, кто оплачивает мою стипендию на этом факультете? Фонд семьи Мэдокс. Двадцать тысяч баксов в год, Си. Двадцать. Гребаных. Тысяч.

Она опирается поясницей о подоконник, скрещая руки на груди.

— Мне до диплома год. Я не собираюсь вылететь отсюда с волчьим билетом из-за того, что ты не умеешь фильтровать фантазии. Так что давай без драм. В коридорах киваем друг другу, и на этом все.

Она возвращается к мольберту. Двадцать тысяч. Вот и весь ценник. Попкорн по ночам, сплетни про парней, общие секреты — все это ушло с молотка.

Разворачиваюсь на пятках. Спину держу так прямо, что позвонки хрустят. Главное — дойти до двери. Не побежать. Не сорваться. И только закрыв за собой дверь мастерской, я позволяю себе судорожно выдохнуть.

Настоящее время

Пробираюсь к последнему ряду. Спиной чувствую, как поворачиваются головы. Десятки взглядов прожигают дыры в моей джинсовке. Липкие, влажные перешептывания волнами катятся по рядам.

Падаю на стул в самом дальнем углу. Достая скетчбук, открываю на первой попавшейся странице, вжимаю карандаш в бумагу. Просто штрихую. Вдох-выдох. Я глухая. Я слепая. Меня здесь нет.

Массивная дверь аудитории влетает в ограничитель. Гул мгновенно стихает. Поднимаю глаза.

Кассиан. И его верная тень — Адриан.

Девушки на первых рядах синхронно выпрямляют спины. Одна рефлекторно поправляет вырез блузки. Идеально скроенный темный пиджак, водолазка, этот его фирменный взгляд поверх голов. Хозяин жизни пришел проверить свои владения.

Он сканирует аудиторию. Серо-голубой лед безошибочно находит меня в дальнем углу.

Грифель карандаша с сухим хрустом ломается о бумагу. Черт.

Мимо свободных мест на первых рядах. Мимо стайки гиков. Прямо по проходу — ко мне. Мышцы сводит судорогой. Только не сюда. Сядь в другом месте, ублюдок.

Он отодвигает соседний стул и плавно опускается рядом. Адриан, ухмыляясь, занимает место с другой стороны. Запах Кассиана мгновенно вытесняет из моего угла весь кислород.

— Прячешься, невеста? — его голос звучит низко, выбирает где-то на грани слышимости.

Даже не поворачиваю головы. Достая из пенала новый карандаш.

— Наслаждаюсь акустикой галерки. А ты что забыл среди простых смертных?

Слышу, как он тихо выдыхает через нос.

— Проверяю, как ты обживаешься в новом статусе. Слышал, тебе выделили отличную комнату.

— Шикарную. Окно большое. Мусорное ведро вместительное. Твои дурацкие веники из белых роз поместились идеально, даже стебли ломать не пришлось.

Левым глазом ловлю его движение. Он чуть поворачивает голову.

— Дерзкая, — тянет Адриан с другой стороны. Начинает ритмично щелкать кнопкой ручки. Щелк-щелк. Щелк-щелк. По мозгам бьет. — И соседка у нее интересная. Чен, да? Та еще заноза в заднице университета. Любит совать свой пирсингованный нос в чужие сервера. Смотри, Сиенна, дурная компания до добра не доводит.

— Зато она не продается, — чеканю каждое слово, глядя прямо в доску перед собой.

Кассиан наклоняется. Настолько близко, что его плечо почти касается моего. Ткань пиджака трется о мою джинсовку. Жар от его тела прошибает через одежду.

— Люди с принципами продаются дороже всех, Мышка. Просто ты еще не видела их ценник. Не строй иллюзий.

Беннет входит в аудиторию, бросая папку на кафедру. Я мысленно возношу хвалу всем богам. Спасение.

— Доброе утро. Тема сегодняшней лекции...

Следующие два часа — пытка. Я не слышу ни слова о конструктивизме. Я физически ощущаю присутствие Кассиана. То, как он ровно дышит. Как делает короткие, резкие пометки в планшете. А с другой стороны Адриан продолжает издевательски постукивать ручкой по парте. В какой-то момент Кассиан двигает свой планшет так, чтобы Адриан увидел экран. Тот коротко, беззвучно ржет.

Звонок бьет по ушам. Сгребаю вещи в рюкзак, дергаю молнию.

— Мистер Мэддокс, — голос Беннета заставляет меня замереть на полпути к выходу. Аудитория уже пуста, только мы вдвоем и профессор у кафедры. — Я не увидел вашего эссе по пропаганде в искусстве Третьего рейха. Дедлайн истек вчера в полночь.

Кассиан неспешно поднимается. Застегивает пуговицу пиджака. Ни капли суеты.

— Мои искренние извинения, профессор. Непредвиденные семейные обстоятельства.

Он поворачивает голову и смотрит прямо на меня. Выразительно так. Мол, вот моя проблема. Стоит тут, с рюкзаком в обнимку.

У меня челюсть отвисает. Он использует нашу фальшивую помолвку как отмазку от домашки?!

— Семейные обстоятельства, — Беннет скептически приподнимает кустистые брови, переводя взгляд с него на меня. — Впечатляет. Но учебная программа едина для всех.

— Разумеется. — Кассиан достает из кожаной папки распечатку и кладет на край кафедры. — Работа здесь. Надеюсь, глубина анализа компенсирует опоздание.

Беннет берет листы, не говоря больше ни слова.

Разворачиваюсь и вылетаю в коридор, пока не высказала этому манипулятору все, что думаю о его "обстоятельствах".

Запах старой бумаги и клея в архиве библиотеки действует лучше любого успокоительного. Здесь холодно, пыльно и абсолютно безлюдно. Подвал, сектор бизнес-периодики.

Включаю тусклую лампу над читальным столом. Зои вчера сказала, что гуглить Мэдоксов со своего ноута, сидя в их же кампусе, это все равно что орать в рупор "я за вами слежу". Цифровые следы остаются всегда. А вот бумажные подшивки — совсем другое дело.

Мне нужно понять, с кем я заключила сделку.

Конечно, я и так многое знаю о их семье. В принципе все, кто живет в нашем городе знают о них. Но одно дело какие-то слухи и домыслы... А вот в архивах может найтись что-то интересное.

Тяну на себя тяжелый ящик каталога. Подшивки "Уолл-Стрит Журнал" и "Таймс" десятилетней давности.

Листаю сухие финансовые сводки. Эдвард Мэдокс — машина по перемалыванию костей. Схема всегда одна, как под копирку. Выбирает компанию, у которой временные трудности. Входит как "спаситель-инвестор", щедро раздавая кредиты. Накидывает петлю. А когда жертва начинает задыхаться — резко дергает. Банкротство, поглощение за бесценок.

Точно так же, как он сделал с моим отцом.

Переворачиваю страницу. Взгляд цепляется за разворот восьмилетней давности.

"Ричард Мэдокс, 42 года. Трагический финал".

Вчитываюсь в мелкий шрифт, шурясь от плохого света. Самоубийство. Застрелился в собственном кабинете в загородном поместье. Глубокая депрессия, финансовые проблемы...

Что-то царапает мозг. Перечитываю абзац с заключением следователя. Странно. В одной статье пишут, что тело нашла горничная на рассвете. В другой, из местной газетенки, — что выстрел слышали около полуночи. Сама горничная уволилась без выходного пособия через три дня и уехала в Мексику. Следователь, подписавший бумагу об отсутствии состава преступления, разбился на трассе спустя месяц.

Холодок ползет по позвоночнику.

В кармане джинсов коротко, агрессивно вибрирует телефон.

Вздрагиваю так, что чуть не рву ветхую страницу. Достая аппарат. Экран слепит глаза в полумраке. Сообщение с неизвестного номера.

Открываю.

«Сектор С, третий стеллаж от окна. Увлекательное чтение, Мышка? А теперь обернись.»

Желудок делает резкий, тошнотворный кульбит. Воздух застревает в горле колючим комом.

Медленно, очень медленно поворачиваю голову.

Глава 12.

Тень отделяется от стеллажа. Кассиан. Стоит, засунув руки в карманы брюк, плечом опираясь о корешки каких-то древних энциклопедий. Лицо наполовину в мраке, только свет от моей настольной лампы выхватывает жесткую линию челюсти.

Как долго он тут торчит?

— Решил сменить специализацию на библиотекаря? — пытаюсь незаметно прикрыть локтем разворот газеты с некрологом его дяди. — Или просто хобби такое — подкрадываться со спины?

Он отталкивается от стеллажа. Шаг. Еще один. Встает прямо напротив моего стола.

— Минут двадцать любуюсь, как ты зарываешься в макулатуру, — его тон ровный. — Сначала квартальные отчеты. Потом иски о монополизации. Теперь криминальная хроника. Собираешь материал для диссертации?

— Расширяю кругозор, — вскидываю подбородок. — Хочу понимать, с какой именно породой хищников меня заставили спариваться. Вдруг у вас в контрактах мелким шрифтом прописано жертвоприношение девственниц по пятницам.

Его губы едва заметно дергаются. Не улыбка — так, мышечный спазм.

— В архивах Мэдоксов столько грязи, Сиенна, что ты захлебнешься на первой же странице. И это не метафора.

Он произносит это так обыденно. Без угрозы. Просто констатация факта. От этого по загривку бежит мерзкий, колющий холодок.

— Пытаешься меня запугать? — прищуриваюсь.

— Вовсе нет.

Кассиан вдруг наклоняется над столом, резко захлопывает тяжелую подшивку прямо перед моим носом. В воздух взмывает облако серой пыли. Я инстинктивно отшатываюсь. А он перехватывает меня за локоть. Пальцы смыкаются на сгибе поверх джинсовки.

— Идем. Здесь слишком много посторонних ушей.

— Эй! Руки убрал!

Дергаюсь, но он только сильнее сжимает пальцы и тащит меня за собой между рядами. Кроссовки скользят по линолеуму. Пытаюсь тормозить, но куда там — он прет как танк. Сворачиваем в какой-то аппендикс, потом еще раз. Он толкает тяжелую дверь без таблички и впикивает меня внутрь.

Мать твою.

Крошечная комната. Стеллажи от пола до потолка забиты старыми книгами. Пахнет сухой кожей и плесенью. Воздуха здесь ровно на одного человека. А нас двое. И Кассиан перекрывает собой единственный выход.

— Ты совсем больной?! — вырываю локоть, растирая ткань куртки. — Какого хрена ты творишь? Еще раз меня тронешь, и я...

— Сядь, — обрывает он. Глухо. Резко.

— Пошел к черту. Я постою.

Кассиан запускает пятерню в свои идеально уложенные волосы, разрушая пробор. Жест, выдающий нервозность. Серьезно? Он нервничает?

— Сиенна. Просто. Сядь, — он выдыхает это сквозь зубы.

Оглядываюсь. В углу стоит скрипучий стул. Демонстративно медленно опускаюсь на него, закидываю ногу на ногу. Скреживаю руки на груди.

— Ну давай. Оправдывай свое звание диктатора.

Он опирается обеими руками о маленький столик передо мной. Нависает. Между нами сантиметров сорок. Запах ветивера забивается в легкие, вытесняя книжную пыль.

— Прекращай копать, Мышка. Прямо сейчас. Ты лезешь в дерьмо, масштабов которого даже не представляешь.

— Ой, страшно-то как. Что вы мне сделаете? Заберете дом? Папину обанкротившуюся конторку? Да подавитесь. Вылетим на улицу, снимем клоповник в Куинсе, устроимся в Макдак. Не сдохнем.

Кассиан издает короткий, лающий смешок. В нем нет ни грамма веселья.

— Макдак? Клоповник? Ты правда думаешь, что цена вопроса — просто статус банкрота?

Внутри что-то неприятно екает.

— А что еще?

— Тюрьма, Сиенна, — он смотрит мне прямо в глаза, и его серо-голубые радужки кажутся потемневшими. — Твоему отцу светит федеральная тюрьма. От пяти до десяти лет. Минимум.

Воздух в комнате заканчивается.

Тюрьма? Бред. Мой отец не уголовник. Просто... лох в бизнесе. Да? Да.

— Ты гонишь, — шепчу. — Это очередная манипуляция.

— Подделка финансовых отчетностей. Инсайдерская торговля. Вывод активов через подставные фирмы. У моего отца на столе лежит полное досье на Роберта Девро. Твой папаша нарушил столько законов, спасая свою компанию, что прокурор закроет его за неделю.

Ушах начинает звенеть. Противный, тонкий писк.

Отец в оранжевой робе. За решеткой. Без своих таблеток от давления. Он же там и месяца не протянет. Он старый, сломленный человек.

— Не веришь мне — найми независимого юриста. Пусть посмотрит ваши бухгалтерские книги, — ровным тоном добивает Кассиан. — Наша сделка — это не покупка невесты. Это выкуп вас из тюремной камеры.

— Сделка... — сглатываю кислый ком. — Точно. Никакой благотворительности. Мэдоксы просто покупают себе удобную зверюшку.

— Бизнес. Ничего личного. Твоя семья получает иммунитет и чистые счета. Моя — нужный пиар перед слиянием с европейскими партнерами. Всем выгодно.

Ничего личного.

Эти два слова падают между нами, как куски льда. Ничего. Личного.

Перед глазами вспыхивает та ночь в клубе. Мой дрожащий голос. И его смех. Его холодный, уничтожающий смех под вспышки телефонов.

Кровь приливает к лицу. Жар бьет по вискам, выжигая панику. Страх за отца мгновенно тонет в слепой, первобытной ярости.

Вскакиваю со стула так резко, что он с грохотом отлетает назад, ударяясь о стеллаж.

— Ничего личного?! — мой голос срывается, звенит от злости. Делаю шаг к нему. Вплотную. — Ты смеешь говорить мне про "ничего личного"?!

Кассиан даже не шевелится. Только челюсть каменеет.

— Успокойся, Сиенна.

— Да пошел ты! Три года! Три гребаных года я собирала свою самооценку по кускам из-за твоего "ничего личного"! Ты размазал меня перед всей элитой, выставил посмешищем, заставил сбегать на другой континент! А теперь стоишь тут в своем дорогом костюме и вещаешь про бизнес-планы?!

— То, что было в прошлом...

— То, что было в прошлом, никуда не делось! — ору прямо ему в лицо. Плевать, если нас услышат. Плевать на все. — Ты все тот же конченный ублюдок с комплексом бога! Используешь людей как разменную монету. Думаешь, если твой отец купил наши долги, то купил и меня?!

Его зрачки расширяются. Темнеют, поглощая свет радужки. Он больше не выглядит отстраненным.

— Ты ни хрена не знаешь о том, что было три года назад. И о том, кто я такой, — его голос падает до угрожающего хрипа. Он делает шаг навстречу, заставляя меня выгнуть шею, чтобы смотреть ему в глаза.

— Зато я прекрасно вижу, во что ты превратился! — меня несет. Тормоза сорвало окончательно. Руки трясутся от переизбытка адреналина.

Сама не понимаю, как это происходит. Мои пальцы вцепляются в его шелковый галстук. Ткань скользкая, дорогая. Дергаю вниз и на себя с такой силой, что он вынужден наклониться. Наши лица оказываются на одном уровне. Я чувствую жар его кожи. Слышу, как сбивается его дыхание.

Микросекунда искреннего шока в его глазах. Он не ожидал. Не думал, что забитая мышка посмеет на него кинуться.

— Слушай меня внимательно, — шиплю ему прямо в губы. — Я сыграю в этот ваш гребаный спектакль. Буду улыбаться на камерах. Буду твоей ручной куклой. Ради отца. Ради брата. Но не смей думать, что я забыла.

Мы застыли. Я сжимаю его галстук, он нависает надо мной. Воздух в комнатухе становится плотным, как перед грозой. Искрит. От него исходит какая-то дикая, сдавленная энергетика. Взгляд Кассиана опускается на мои губы, затем снова поднимается к глазам.

Где-то на периферии сознания мелькает мысль: сейчас он меня отшвырнет. Или ударит. Или...

Его пальцы ложатся поверх моих рук, сжимающих галстук. Кожа к коже. Горячо.

Он не отталкивает. Он медленно, плавно разжимает мою хватку.

— Хочешь войны, Мышка? — шепчет он так тихо, что звук отдается вибрацией у меня в груди. Уголок его губ кривится в мрачной полуулыбке. — Будет тебе война. Посмотрим, кто сломается первым в этот раз. И если дернешься копать под отца — пострадают все. Даже твой братец с его тайными карточными долгами у парней с Южного берега.

Что?! Алекс? Карты?

Шок парализует пальцы. Выпускаю его галстук. Кассиан медленно выпрямляется, возвращая себе превосходство в росте и статусе. Поправляет воротник. Идеальный. Непроницаемый.

— У тебя пара через пять минут. Не опаздывай, невеста.

Обхожу его по дуге, вжимаясь в стеллажи. Хватаю свой рюкзак.

— Чтобы больше я не видела, как ты материализуешься из стен, Мэдокс. У меня аллергия на призраков прошлого.

Толкаю дверь и вываливаюсь в коридор.

Холодный библиотечный воздух бьет по лицу. Делаю три шага за угол и приваливаюсь спиной к стене. Колени предательски дрожат, съезжая по гладкой краске.

Тюрьма для отца. Карточные долги Алекса.

Зараза...

Глава 13.

Яростно тру руки тряпкой, пропитанной растворителем. Кожа уже красная, горит, но синий пигмент вьелся намертво.

Телефон на столе оживает серией коротких вибраций.

Вытираю руки о джинсы, смахиваю уведомление.

«Доставка в 16:00. Машина внизу в 19:30. Блэквуд-Холл. Наш дебют перед инвесторами. Выгляди соответственно».

Смотрю на экран. Серьезно? Ни "привет", ни "как дела после того, как я сообщил, что твой отец сядет".

Следом падает второе сообщение.

«Красный. Цвет власти. Тебе пойдет, Мышка».

Швыряю телефон на стол. Он звонко бьется о стеклянную банку с кистями.

Внутри закипает раздражение, густое и едкое. Сама подписалась, Сиенна. Ради папы. Ради Алекса. Терпи.

Ровно в четыре в дверь стучат.

Открываю. На пороге стоят два шкафа 2х2 метра в черных костюмах. У одного наушник витой спиралью уходит за воротник.

— Сиенна Девро? — басит тот, что слева, протягивая планшет. — Подпись.

Черкаю пальцем по экрану. Они молча заносят в гостиную три массивные черные коробки с тиснением какого-то элитного бутика, ставят на пол и так же молча испаряются.

Зои нет, так что комментировать этот цирк некому. Опускаюсь на ковер, тяну за шелковую ленту первой коробки. Шуршит черная папиросная бумага.

Мать моя...

Кроваво-красный шелк. Достāju ткань, и она струится сквозь пальцы как вода. Спины нет вообще. Декольте такое, что заканчивается где-то в районе солнечного сплетения. А разрез на юбке... Я прикидываю его длину на себе. Он будет открывать бедро почти полностью. Это не наряд для благотворительного вечера, это униформа для эскорта класса люкс.

Вторая коробка — лаковые черные шпильки. Сантиметров двенадцать, не меньше. Привет, сломанные лодыжки.

В третьей, маленькой бархатной шкатулке, лежит платиновое кольцо с рубинами. Тяжелое. Камни размером с перепелиное яйцо отбрасывают багровые блики. На дне шкатулки — карточка из плотного картона. Острый, знакомый почерк.

«Это не обязанность. Это сцена. Ты — актриса. Заставь их поверить в каждое твое слово».

Мну картонку в кулаке и бросаю обратно в коробку. Заставь их поверить. Ага. Поверить в то, что я без ума от психопата.

К семи тридцати я готова сдохнуть.

Платье село как вторая кожа, но двигаться в нем — тот еще квест. Шаг шире положенного, и разрез являет миру мое нижнее белье (которого, к слову, минимум, иначе швы проступят через шелк). Волосы я заколола наверх в небрежный пучок, оставив пару прядей. Помада — в тон платью.

А вот рубины остались лежать в шкатулке. Вместо них на запястье тонкий мамин серебряный браслет.

Спускаюсь вниз. У обочины урчит бронированный черный внедорожник. Не спорткар, на котором он обычно рисуется, а реальный танк. Водитель выскакивает, распахивает заднюю дверь.

Забираюсь внутрь, стараясь не запутаться в подоле.

Кассиан уже там. Откинулся на кожаное сиденье, уткнувшись в планшет. На нем смокинг. Идеально сидящий, угольно-черный, с бабочкой.

Он даже не поднимает голову, когда я захлопываю дверь.

— Опоздание четыре минуты, — ровно произносит, перелистывая страницу на экране.

У меня дергается глаз.

— Пробки на лестничной клетке. Извини, что заставила твое высочество ждать. Я тоже безумно соскучилась, дорогой.

Демонстративно закидываю ногу на ногу. Шелк скользит, и разрез распахивается, обнажая ногу до самого бедра. Бледная кожа на фоне темного салона так и светится.

Кассиан наконец отрывает взгляд от планшета. Медленно переводит глаза на мою ногу. Сканирует. От щиколотки, вверх по бедру, туда, где ткань собирается складками. Взгляд задерживается там на секунду дольше положенного. Воздух в машине внезапно становится плотным.

А затем он поднимает глаза на мое лицо. Лицо — каменное.

— Приемлемо.

Что?

ПРИЕМЛЕМО?!

Я два часа воевала с этим куском ткани. Я стерла ноги в кровь, пока училась ходить на этих ходулях. Я убила полтюбика помады, чтобы контур был идеальным.

— "Приемлемо"? — выплевываю, разворачиваясь к нему. — Серьезно? Скажи спасибо, что я вообще не пришла в джинсах. Твои курьеры привезли мне наряд стриптизерши. Одно неловкое движение, и инвесторы твоего отца увидят мою анатомию в деталях.

Он блокирует планшет и отбрасывает его на соседнее сиденье.

— Зато они не увидят, как у тебя трясутся поджилки. Фокус смещен. Цель достигнута. Где кольцо?

— В коробке. Оно весит как ошейник для мастифа. Обойдешься.

В салоне темно, только мелькают огни проносящихся мимо фонарей. Я вижу, как напрягается его челюсть.

— Слушай инструктаж, — его голос становится тише, обволакивающим. И от этого еще более угрожающим. — Улыбаешься. Держись рядом. Если кто-то из совета директоров неудачно шутит — ты смеешься. Никаких дискуссий о современном искусстве и правах меньшинств. Сегодня ты — влюбленный, красивый фон. Поняла?

— Гавкать по команде нужно? Или просто хвостом вилять?

Вместо ответа он вдруг тянется ко мне. Я инстинктивно вжимаюсь в дверцу. Его пальцы смыкаются на моем запястье. Жестко. Уверенно. Переплетает наши пальцы.

Кожа у него горячая, сухая. Мое помолвочное кольцо больно впивается мне в соседний палец под его хваткой.

— Если я сжимаю твою руку вот так, — он усиливает давление, костяшки хрустят, — ты замолкаешь. Что бы ты ни говорила в этот момент — обрываешь фразу и улыбаешься.

Пытаюсь выдернуть ладонь, но куда там. Держит как в тисках.

— Если моя рука ложится тебе на талию и я давлю на позвоночник — меняем тему разговора.

Он наклоняется ближе. Я дышу его запахом, сердце начинает стучать быстрее. Бесит эта реакция тела.

— А если я поправляю тебе волосы... значит, пора уходить. Запомнила?

Вздергиваю подбородок, встречаясь с его ледяным взглядом.

— Отличная система. Только работает в одну сторону, — чеканю, не отводя глаз. — Мне тоже нужны сигналы.

Кассиан чуть приподнимает бровь. Искреннее удивление.

— Да ну? И какие же?

Мозг лихорадочно ищет вариант. Что-то, что выбьет его из колеи.

— Если я назвала тебя "любимый" или "милый" — значит, я на пределе. Значит, кто-то из твоих напыщенных снобов меня достал. — Я делаю паузу, кривя губы в мстительной улыбке. — И если ты в течение десяти секунд не уведешь меня оттуда... я вылью свой бокал прямо в лицо собеседнику. Или тебе. По настроению.

Тишина в салоне становится звенящей. Я даже дышать перестаю. Сейчас сорвется. Наорет. Или прижмет так, что синяки останутся.

А затем... происходит странное.

Грудь Кассиана вздрагивает. И тихий, низкий звук наполняет салон. Он... смеется? Короткий, глухой смешок, больше похожий на выдох, но это он. Не издевательский гогот, как в клубе. А настоящая реакция.

— Договорились, — произносит он, и в его глазах на долю секунды мелькает что-то живое. — Только постарайся не тратить на это "Дом Периньон". Он там коллекционный. Жалко переводить на костюмы идиотов.

Я моргаю. Напряжение, которое душило меня всю дорогу, вдруг дает крошечную трещину. Мы все еще держимся за руки. И его пальцы уже не сжимают мою ладонь до хруста, а просто... держат. Тепло. Спокойно.

Машина начинает сбрасывать скорость. За тонированным стеклом вспыхивают софиты Блэквуд-Холла. Толпа репортеров, вспышки камер, красная ковровая дорожка.

Внутренности снова стягивает ледяным узлом.

— Готова? — его большой палец медленно проводит по моим костяшкам. Случайный жест? Или специально отвлекает?

Глубокий вдох. Расправляю плечи, чтобы вырез на спине натянулся идеально.

— Нет. Но кого это волнует?

— Кого-то точно волнует, — отвечает, но так тихо, что мне точно показалось.

Глава 14.

Только моя нога в лаковой туфле касается ковровой дорожки, как по глазам бьет пулеметная очередь вспышек. Слепну на секунду. Пытаюсь моргнуть, чтобы избавиться от цветных пятен перед глазами.

Широкая ладонь Кассиана ложится мне на талию. Точно на голую кожу в вырезе платья. Растягиваю губы. Мышцы лица сводит от фальши.

Из толпы выныривает какой-то щуплый репортер с диктофоном. Значок университетского таблоида болтается на мятом лацкане.

— Мистер Мэдокс! Мисс Девро! — он чуть ли не подпрыгивает, отталкивая локтем фотографа. — Пару слов для первой полосы! После того скандала в "Олимпе"... Как вам удалось склеить разбитую чашку?

Удар прямо по больному. Специально цепляет, стервятник. Хочет эмоций, хочет драмы. Набираю в легкие холодный ночной воздух, готовясь выдать заготовленную пиарщиками чушь про "время лечит", но Кассиан опережает.

— Настоящую связь невозможно разбить, — его баритон звучит так бархатно и глубоко, что я сама на секунду зависаю. — Нам нужно было повзростеть. Понять, что амбиции — ничто по сравнению с человеком, без которого ты не можешь дышать.

Он поворачивает голову и смотрит на меня. В его серо-голубых глазах столько неприкрытого, обжигающего обожания, что у меня перехватывает горло.

Оскар. Дайте этому психопату Оскар прямо сейчас.

— Абсолютно, — мой голос звучит чуть хрипло, но я быстро беру себя в руки. Кладу ладонь ему на грудь. Чувствую под пальцами жесткий шелк смокинга. — Судьба просто дала нам время понять свои ошибки.

Вспышка. Еще одна. Кассиан уводит меня по дорожке ко входу.

Внутри Блэквуд-Холл пахнет жареным мясом, тяжелым парфюмом и большими деньгами. Гул сотен голосов давит на уши.

Мы начинаем курсировать между группами гостей. И меня реально начинает пугать то, что я вижу. Кассиан — хамелеон. С профессорами он вдумчивый интеллектual, жонглирующий цитатами. С инвесторами — акула, сыплющая цифрами маржинальности. С их разряженными женами — обаятельный джентльмен.

Он меняет маски так быстро и естественно, что я перестаю понимать, где настоящий Мэдокс. И есть ли он вообще.

А его рука все это время остается на моей талии. Большой палец периодически поглаживает голую кожу у позвоночника. От этого монотонного движения вдоль спины бегут мурашки.

Прекрати. Это просто часть шоу.

— Ваша невеста — просто сокровище, Кассиан, — щебечет какая-то дама, увешанная бриллиантами. — Такая скромная. И платье... весьма смелое решение.

— Она мое главное достижение, миссис Торп, — он прижимает меня чуть ближе.

И тут температура в радиусе двух метров резко падает.

Боковым зрением улавливаю движение. Толпа расступается, пропуская высокую блондинку. Серебристое платье-комбинация сидит на ней как влитое, подчеркивая острые, анорексичные ключицы.

Она идет прямо на нас. И что-то в ней не так. Взгляд дерганный, лихорадочный. А на запястьях — с десяток массивных серебряных браслетов, которые звенят при каждом шаге. Она постоянно их тербит. Сдвигает, поправляет, снова сдвигает.

— Кассиан, дорогой! — она подплывает вплотную.

Тянется поцеловать его в щеку. Но ее губы намеренно мажут почти по уголку его рта.

Меня передергивает от омерзения. Это даже не скрытая провокация, это открытый плевок мне под ноги. Чувствую, как под моей ладонью каменеют мышцы на спине Кассиана. Его пальцы на моей талии сжимаются.

— Виктория, — сухо кивает он, отстраняясь. — Полагаю, ты помнишь Сиенну.

Она медленно переводит взгляд на меня. Сканирует вырез платья, останавливается на кольце. Губы кривятся в презрительной ухмылке.

— Как такое забудешь. Главный мем универа трехлетней давности, — она тянет слова, словно пробуя их на вкус. — Я думала, после такого эпичного провала у людей появляется инстинкт самосохранения. Но, видимо, жажда денег сильнее гордости, да?

Стерва. Гости вокруг замолкают, наострив уши. Предвкушают драку.

Мои ногти впиваются в ладони. Я даже не в курсе кто она такая, а она видимо знает обо мне все. Но предполагаю, что она возможно бывшая девушка Кассиана...

— Знаешь, — растягиваю губы в самой сладкой, ядовитой улыбке, на которую способна. — Гордость — это не бегать за бывшим, пытаюсь привлечь его внимание дешевыми провокациями. А инстинкт самосохранения — это вовремя понять, когда ты стала пустым местом.

Слышу, как кто-то из стоящих рядом тихонько присвистнул.

Лицо Виктории идет красными пятнами. Она открывает рот, но Кассиан вмешивается первым.

Он наклоняет голову и целует меня в висок. Горячо. Уверенно.

— Не трать время, милая, — произносит он, и в его голосе звенит сталь. — Некоторые просто не умеют проигрывать с достоинством.

Значит, я оказалась прав. Она его бывшая.

Виктория судорожно дергает свои браслеты. Металл лязгает.

— Сиенна, — она вдруг хватает меня за локоть. Пальцы холодные, влажные. — Пойдем на террасу. На пару слов. По-девичьи.

Кассиан мгновенно перехватывает ее руку, отрывая от меня. Его глаза превращаются в две ледяные щели.

— Она никуда с тобой не пойдет.

— Боишься? — Виктория нервно, почти истерично смеется, глядя на него. — Боишься, что я испорчу твою новую идеальную игрушку? Да ладно тебе, Касс. Пять минут.

Она смотрит на меня с вызовом. Слабо?

Мозг орет, что это ловушка. Что надо послать эту ненормальную и пойти пить шампанское. Но любопытство... Что такого она хочет сказать, от чего Кассиан так напрягся?

— Все в порядке, — я мягко высвобождаюсь из хватки Кассиана. — Пять минут погоды не сделают. Свежий воздух мне не помешает.

Он сверлит меня взглядом, обещая все кары небесные, но отступает на полшага.

— Пять минут.

Виктория тащит меня через зал к стеклянным дверям. Вываливаемся на пустую террасу. Воздух здесь сырой, пахнет мокрой землей и туманом.

Она тут же отпускает меня, отходит к парапету и залпом допивает остатки шампанского из своего бокала.

— Ты думаешь, ты выиграла? — она разворачивается ко мне. Глаза лихорадочно блестят. — Думаешь, это кольцо — твой пропуск в сказку?

— Это контракт, Виктория. Остынь. Мне не нужен твой бывший.

Она смеется. Страшный, ломаный звук.

— Контракт! Боже, какая же ты наивная идиотка. С Мэдоксом не бывает контрактов. Бывает только право собственности. Он не партнер, Сиенна. Он паразит. Он влезет тебе под кожу, изучит все твои слабости, а потом начнет ломать. Медленно. Подчиняя себе каждую твою мысль.

Морщусь.

— Спасибо за бесплатный психоанализ. Я пойду.

— Стой! — она снова бросается ко мне.

Она резким, дерганным движением сдвигает вверх все свои серебряные браслеты на левом запястье.

Бледная кожа исполосована.

Тонкие, кривые шрамы. Белые, уже зажившие, и розовые, совсем свежие. Они хаотично пересекают запястье, уходя куда-то выше, под рукав.

Внутренности скручивает тошнотой.

— Что... что это? — шепчу, не в силах оторвать взгляд от этого месива.

Виктория трясется. Ее глаза расширены от первобытного, неконтролируемого ужаса.

— Спроси его, — шипит она, надвигаясь на меня. От нее несет алкоголем и паникой. — Спроси своего идеального жениха, что бывает, когда ты пытаешься уйти! Когда ты говоришь ему "нет"! Спроси, Сиенна! Если у тебя хватит смелости!

Она резко одергивает браслеты обратно, закрывая шрамы, разворачивается и почти бегом скрывается в темноте сада, не возвращаясь в зал.

Я остаюсь одна на холодной террасе.

Сердце долбит о ребра с такой силой, что больно груди.

Спроси, что бывает, когда ты пытаешься уйти.

Пальцы дрожат. Отворачиваюсь к парапету, делаю несколько глубоких вдохов, пытаюсь успокоить пульс. Она сумасшедшая. Просто сумасшедшая бывшая, которая резала себе вены из-за расставания. Это же классика.

Возвращаюсь в зал на деревянных ногах. Яркий свет бьет по глазам. Беру с подноса проходящего официанта бокал и выпиваю половину в два глотка. Пузырьки обжигают горло.

Кассиан стоит ровно на том же месте. Как только я подхожу, его взгляд впивается в мое лицо, сканируя каждую микроэмоцию.

— Что она тебе наплела? — его голос тихий, но в нем слышится скрытая угроза.

Смотрю прямо в эти непроницаемые, холодные глаза.

— Ничего особенного. Обычный женский треп, — вру, и мой голос почти не дрожит.

Он знает, что я вру. Я знаю, что он знает.

Но он не давит. Просто снова кладет руку мне на талию. И в этот раз его прикосновение кажется мне не просто горячим.

Оно кажется мне клеймом.

Глава 15.

Уголь крошится в пальцах, оставляя на подушечках жирную черную пыль. Делаю резкий штрих по бумаге, прорывая тонкий лист насквозь.

Черт. Да что со мной такое.

Стираю грязь тыльной стороной ладони, только размазывая черное пятно по щеке. В мастерской воняет растворителем, но даже эта токсичная химия не может выбить из головы картинку. Запястье Виктории. Белые, кривые рубцы. И ее шепот, пропитанный паникой.

«Спроси, что бывает, когда ты пытаешься уйти».

Я должна была послать эту истеричку. Забыть. Но мозг упорно крутит эту пленку.

Стук в дверь даже не раздается — она просто с щелчком распаивается.

Вздрагиваю так, что локтем сношу со стола пластиковую коробку с углем. Черные бруски с треском разлетаются по паркету. Пыль поднимается в воздух.

— Стучать теперь не в тренде? — рявкаю, опускаясь на корточки, чтобы собрать этот бардак.

Кассиан закрывает за собой дверь. В одной руке картонная подставка с двумя стаканами кофе, в другой — крафтовый пакет. Запах ветивера мгновенно сжирает запах скипидара.

— Дверь была не заперта, — ровно отзывается он.

Вместо того чтобы встать и смотреть на меня сверху вниз, он вдруг опускается на корточки рядом. Ставит кофе на пол. И начинает молча собирать черные куски угля, методично складывая их обратно в коробку.

Его длинные пальцы касаются грязного паркета. Белая манжета рубашки в миллиметре от черной пыли.

Тянусь за последним куском. Наши руки сталкиваются. Кожа к коже.

Меня прошибает током. Дергаю руку на себя так резко, что бьюсь костяшками о ножку стола.

Он замирает. Взгляд цепляется за мою реакцию. Серо-голубые глаза сужаются.

— Черный. Двойной эспрессо, два сахара, — он поднимается, забирает стакан с пола и протягивает мне. — Если, конечно, в Париже ты не перешла на ванильный раф.

Беру стакан, стараясь не коснуться его пальцев. Горячий картон обжигает ладонь.

— Следишь за моим рационом?

— Память хорошая. Пей.

Он подходит к верстаку и вытаскивает из бумажного пакета что-то объемное. Ставит под лампу.

Подхожу ближе. И забываю, как дышать.

Это макет. Сантиметров тридцать в высоту. Сплетенный из тончайшей стальной проволоки. Сначала кажется, что это обычная клетка, но прутья на середине высоты начинают изгибаться, ломаться, переплетаясь в сложный, агрессивный узор. Они превращаются в острые ветви, а те — в подобие рваных крыльев.

Металл выглядит живым. В нем столько боли и динамики, что у меня перехватывает горло.

— Это... — слов нет. Я просто пялюсь на эту ювелирную, больную красоту. — Ты заказал это у кого-то?

Уголок его рта кривится. Он берет плоскогубцы со стола, крутит в пальцах.

— Шок, да? Оказывается, мои руки заточены не только под подписание чеков. Сделал ночью.

Он сам это скрутил? Вот этими руками?

— Концепт сильный, — бормочу, обходя макет по кругу. Включается внутренний художник, задвигая паранойю на задний план. — Но проволока слишком стерильна. Тут нужен контраст. Если мы делаем клетку из... скажем, темного, необработанного дерева. Чтобы она казалась тяжелой, мертвой. А вот этот выплеск вверх, эти крылья — оставить из металла, но обтянуть полупрозрачной тканью.

Кассиан наклоняется над столом. Близко.

— Ткань убьет агрессию металла, — парирует он, глядя на макет.

— Ткань даст динамику. Любой сквозняк — и она будет дышать. Металл застыл, а нам нужен процесс разрыва.

Он молчит. Смотрит на проволочные прутья. А потом вдруг выхватывает карандаш прямо из моей руки.

Придвигает к себе чистый лист бумаги. Начинает делать набросок. Быстрые, жесткие линии.

— Если пустить ткань только по внутреннему радиусу... — бормочет он.

Я наклоняюсь рядом. Мы стоим плечом к плечу. Его дыхание шевелит волосы у моего виска. Тепло от его тела ощущается физически, как от включенного обогревателя. Я смотрю, как рождается эскиз, и не могу поверить своим глазам. У него идеальная штриховка. Техника, которую ставят годами.

Беру другой карандаш и дорисовываю опорную конструкцию сбоку.

— Вот тут нужно усилить. Иначе вся эта сталь рухнет под собственным весом.

— Не рухнет, если изменить угол наклона базы. Вот так.

Мы спорим. Чертим поверх линий друг друга. Воздух в студии меняется. Исчезает тяжесть. Пропадает этот вечный контроль. Мы просто два человека, решающие одну задачу. Я забываю про Викторию, про шрамы, про дурацкий контракт.

Его рука тянется к ластику, моя — к маркеру. Мы снова сталкиваемся предплечьями. Замираем.

Поворачиваю голову. Он смотрит на меня. Расстояние — спичечный коробок. В его глазах нет льда. Там что-то темное, густое. Дыхание сбивается. Смотрю на его губы и ловлю себя на мысли, что хочу податься вперед.

Резкий звук вибровызова телефона в его кармане бьет по ушам.

Кассиан отшатывается. Мгновенно. Словно я горячая плита. Выпрямляет спину, достает телефон, сбрасывает звонок. Маска непроницаемости с щелчком возвращается на место. Ледяной принц снова в здании.

— У меня встреча с акционерами через двадцать минут, — голос сухой, деловой. Ни следа того парня, который только что спорил со мной о штриховке. — Доработай узлы крепления. Я заберу макет вечером.

Он разворачивается и быстрым шагом выходит из мастерской. Дверь захлопывается.

Я остаюсь одна. Пульс долбит в висках. Что это, мать вашу, сейчас было?

Бросаю карандаш на стол. Взгляд цепляется за пол под верстаком.

Его кожаная сумка. Черная, с монограммой К.М. Забыл. Так спешил сбежать, что даже вещи оставил.

Смотрю на сумку. *Спроси его.* Голос Виктории снова скребется в мозгу.

Опускаюсь на корточки перед сумкой. Кожа мягкая, дорогая. Лазить по чужим вещам — это дно. Мерзко. Унизительно. Я не такая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.